

«Русь!.. Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?»

Николай Гоголь

Содержание

	Иван Круценштерн <i>Вокруг света за три года</i> 10		Дмитрий Менделеев <i>Три службы родине</i> 80
	Александр II <i>Царь- освободитель</i> 24		Антон Чехов <i>Драматург жизни</i> 94
	Федор Достоевский <i>Жизнь как роман</i> 38		Константин Станиславский <i>«Любите искусство в себе...»</i> 106
	Лев Толстой <i>Мудрец на все времена</i> 52		Владимир Ленин <i>Повернувший колесо истории</i> 120
	Петр Чайковский <i>Эта музыка будет вечной</i> 66		Сергей Рахманинов <i>Мелодия русской души</i> 134

Сергей
Эйзенштейн
*Жил,
задумывался,
увлекался*

148

Сергей
Королев
*Романтик
космической
эры*

160

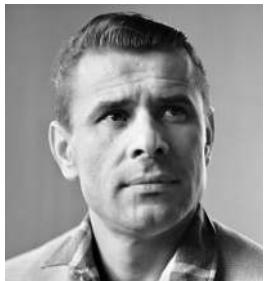
Юрий Гагарин
*Простой
советский
космонавт*

174

Валентина
Терешкова
Полет Чайки

188

Лев Яшин
*Лучший
вратарь
XX века*

202

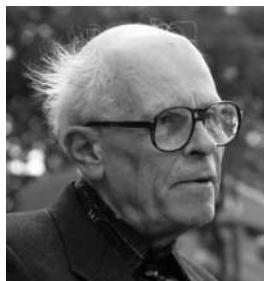
Валерий
Харламов
*Лед и пламя
советского
хоккея*

216

Анатолий
Карпов
*Звезда
ровного света*

228

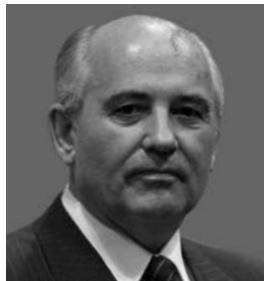
Андрей
Сахаров
*Пророк
в своем
отечестве*

242

Галина
Вишневская
Женщина-эпоха

256

Михаил
Горбачев
*Последний
руководитель
СССР*

270

Предисловие

K

аждый народ бережно складывает достижения своих соотечественников в копилку мировой истории и культуры, и можно ли измерить величину этого вклада? Зависит ли она от количества известных фамилий или масштаба достижений? И в чем вообще смысл подобной летописи — не все ли равно, какой стране или нации принадлежит человек, который сумел стать первым, лучшим, примером для миллионов? Наверное, все дело в том, что каждому народу нужно гордиться своими соотечественниками, своими братьями по крови, хочется с гордостью говорить: «Это — наш человек!» И русские в этом смысле не исключение.

К россиянам в мире вообще особое отношение. Наша страна раскинулась на одной седьмой части света, наша история всегда была тесно связана с развитием западной цивилизации, а уникальное расположение между Востоком и Западом породило тот особый менталитет, который описал Тютчев в знаменитых строках: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить». И действительно, судьбы русских людей, ставших знаменитыми на всю планету, тех, чьи имена внесены в список мировых достижений в любой сфере, будь то наука, культура, политика или спорт, чем-то неуловимо похожи друг на друга. На всем, за что брались наши соотечественники, словно лежит отпечаток особенного, «русского» духа. В чем же он заключается?

Прежде всего, это размах. Если уж отправляться в кругосветную экспедицию, то сразу на три года, как Иван Крузенштерн. Если уж мечтать вымахать выше всех, то первым выйти в космос, как Юрий Гагарин. Если писать книги, то такие, что на столетия определят течение европейской гуманистической мысли (как сделали это произведения Льва Толстого, Антона Чехова, Федора Достоевского). Если управлять государством, то непременно или строить империи (Владимир Ленин), или их разрушать (Михаил Горбачев). Если делать научные открытия, то фундаментальные (таблица Менделеева). В общем, если русский человек взялся за какое-то дело всерьез и с полной отдачей, можно быть уверенным, что рано или поздно об этом узнает весь мир. И, что самое удивительное, главным мотивом для свершений каждый раз будет не материальная выгода или стремление к славе, а лишь желание изменить жизнь к лучшему.

Но не только масштабом, соединенным с удивительным бескорыстием, отличается наша российская ментальность. Другая ее сторона — особая жертвенность, которую можно описать известным латинским выражением «Через тернии к звездам» или русской пословицей «Без труда не выловишь и рыбку из пруда». При этом испытания частенько оказываются столь сложными, а козни судьбы — столь

коварными, что преодолеть их и одновременно реализовать свой дар кажется немыслимым. В случае с россиянами, однако, трудности парадоксальным образом оказываются неотделимы от достижений. Разве возможно представить романы Достоевского без того опыта, который он получил на каторге? Музыку Сергея Рахманинова — без пронизывающей ее ностальгии по родине, которая слышна даже в ранних его произведениях? Конструкторские идеи Сергея Королева — без ареста и несправедливого обвинения в измене родине, о благе которой он думал каждую минуту своей жизни? Можно ли вычеркнуть из биографии Владимира Ленина казнь старшего брата, из жизни Галины Вишневской — блокаду, из истории Валерия Харламова — чудесное возвращение на лед после тяжелейшей травмы? Все эти люди как будто вынесли из самых трудных испытаний что-то самое главное, самое важное, без чего они никогда бы состояться.

Но и это не все, что отличает судьбы русских людей, вписанные в мировую историю. Говоря о них, нельзя не сказать еще об одной особенности, на первый взгляд, противоречащей теории «суровых испытаний», но при более глубоком анализе лишь дополняющей ее. Жизнь каждого из великих россиян наполнена удивительными поворотами, неожиданными встречами и почти волшебными совпадениями, создающими порой впечатление вмешательства высших сил. Мыслимо ли, чтобы обычная девушка с завода стала космонавтом, как Валентина Терешкова? Часто ли берут в труппу Большого театра никому не известных певиц без специального образования, как случилось с Галиной Вишневской? Юрий Гагарин вернулся из космоса живым, несмотря на целый ряд технических осложнений. Без своей бескорыстной благотворительницы Петр Чайковский, возможно, не создал бы своих лучших произведений. А чтобы Сергей Эйзенштейн смог в полной мере реализовать свой режиссерский талант, высшим силам пришлось изменить весь уклад жизни в стране (в противном случае он, конечно, стал бы инженером — но вовсе не человеческих душ).

Таким образом, как-то само собой получается, что судьба каждого из тех русских, чьи имена знает вся планета, складывается из следующих компонентов: размах, бескорыстие и способность, с одной стороны, преодолевать любые препятствия, а с другой — сделать ставку на знаменитый «русский авось» и добиться своего! Может, это и есть рецепт, с помощью которого каждый россиянин сможет вписать свое имя в мировую историю?

Иван Крузенштерн

Вокруг света за три года

ЗНАМЕНИТЫЙ МОРЕПЛАВАТЕЛЬ, ПЕРВЫМ В ИСТОРИИ СТРАНЫ СОВЕРШИВШИЙ КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ, ИВАН ФЕДОРОВИЧ КРУЗЕНШТЕРН ЖИЛ ВО ВРЕМЯ КОРЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ, КОСНУВШИХСЯ ВСЕХ СФЕР РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА — АРМИИ, ТОРГОВЛИ, НАУКИ. В ТЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОМУ ЧЕЛОВЕКУ ПРОСТО НЕВОЗМОЖНО БЫЛО СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ НА КАКОМ-ТО ОДНОМ ЗАНЯТИИ. ВОТ И КРУЗЕНШТЕРН ЗА СВОЮ ЖИЗНЬ ПОБЫВАЛ И ВОЕННЫМ, И УЧЕНЫМ, И ДИПЛОМАТОМ, И ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЛУЖАЩИМ. Но в каждой из своих ипостасей он оставался неутомимым исследователем и новатором.

«Во славу русского оружья...»

Иван Крузенштерн (при рождении Адам Иоганн фон Крузенштерн) появился на свет 8 (19) ноября 1770 года в Эстонии в семье обедневших дворян немецкого происхождения. Он был шестым ребенком четы Крузенштерн. Судьбу будущего «морского волка» определила случайность: когда мальчик в пятнадцать лет окончил церковную школу, кто-то из друзей семьи предложил отдать его в Морской кадетский корпус в Кронштадте.

Став в 1785 году кадетом этого учебного заведения, Иван Крузенштерн на себе испытал, насколько низок был тогда в России уровень преподавания морского дела. Формально юношей обучали и навигации, и астрономии, и тактике, но на практике

на достойном уровне преподавались разве что математика и некоторые естественные науки, зато процветали муштра и телесные наказания. Полный курс предлагал шесть лет обучения, но доучиваться Ивану пришлось в боевых условиях. Началась война со Швецией, и в 1788 году юный гардемарин был определен «за мичмана» и назначен на семидесятичетырехпушечный корабль «Мстислав» под командованием капитана Муловского.

За два года войны Иван Крузенштерн успел поучаствовать практически во всех крупных морских сражениях и дослужился до лейтенанта. В то время в научных и торговых кругах России уже обсуждалась возможность организации кругосветного путешествия. Многие понимали, какие выгоды это сулит, и если бы не война,

руководителем подобной экспедиции мог стать именно капитан Муловский, первый командир и учитель Крузенштерна. От него и заразился молодой лейтенант идеей кругосветного плавания. Впоследствии Крузенштерн назвал именем Муловского, погибшего в 1789 году, мыс на побережье острова Сахалин.

После окончания войны, в 1793 году, Ивана Крузенштерна в числе двенадцати лучших офицеров направили на обучение военно-морскому делу в Англию. Шесть лет провел будущий адмирал вдали от родины. На кораблях британского флота (который в то время по праву считался лучшим в мире) он побывал у берегов Северной Америки, посетил Барбадос, Суринам и Бермудские острова, а затем отправился еще дальше, в Индию и Китай.

Уже тогда молодой офицер военного-морского флота Крузенштерн проявил качества выдающегося государственного деятеля. Постигая секреты службы, он обращал внимание на быт и нравы коренных жителей незнакомых земель, на то, как организована торговля между странами Европы и их колониями. Постепенно ему стало очевидно, какую огромную выгоду получают европейские купцы, перемещая товары из Китая морем. В России на тот момент существовал только один способ связи с русскими поселениями на Камчатке и Аляске — по суше, через Якутск и Охотск. Занимал этот путь около двух лет, в то время как британские и французские корабли преодолевали расстояние между Ост-Индией и Европой за какие-то три недели. Эта несообразность не могла укрыться от глаз молодого лейтенанта, всей душой желавшего процветания России.

Мечты сбываются

Вернувшись в 1799 году в Петербург, капитан-лейтенант Иван Крузенштерн представил властям собственный проект реформирования русского торгового флота и развития нового морского пути в Восточную Азию и Индию. В докладе на имя императора двадцативосьмилетний морской офицер не только затрагивал вопросы коммерции, но и смело призывал к коренным переменам на флоте, предлагая принимать на службу не по происхождению, но по заслугам и способностям.

Но самая важная часть проекта, конечно, касалась мировой морской торговли и тех жалких крох с этого «изобильного стола», которые доставались нашей

стране. «Россия не пользуется трудолюбием и неусыпностью своих собственных сограждан, которых произведения и изделия служат к толику изобилию некоторых иноземцев, — с горечью отмечал Иван Федорович. — Для чего терпит Россия такое бесславие? Кажется, уже время принять новую систему и свергнуть иго иностранцев, господствующих над нами так долго».

Крузенштерн предлагал отправить корабли из Кронштадта на берега Тихого океана, чтобы впоследствии создать там надежную базу для русского торгового флота. Однако при дворе Павла I записки мореплавателя положили под сукно. И неизвестно, как долго они там пролежали бы, если бы не слу-

чившийся в 1801 году дворцовый переворот. Молодой энергичный император Александр I, хорошо понимавший, как важно для России идти в ногу с мировыми державами, одобрил проект морской экспедиции. Сам Крузенштерн к тому времени успел жениться и слегка охладеть к собственной идее, но узнав, что в случае его отказа путешествие может вовсе не состояться, немедленно дал согласие и лично занялся подготовкой к плаванию.

Для предстоящего путешествия были приобретены в Англии два небольших парусных шлюпа «Надежда» и «Нева». Крузенштерн стал капитаном «Надежды», а командование вторым кораблем предложил старому другу еще по Морскому корпусу — капитан-лейтенанту Юрию Лисянскому. Оба судна шли под российскими военными флагами. Расходы на содержание одного из них приняла на себя казна, за второе платила Русско-Американская компания.

Крузенштерн лично подбирал команды обоих кораблей, и хотя многие советовали ему нанять иностранных моряков, молодой капитан предпочел положиться на соотечественников. В итоге экипажи состояли исключительно из российских моряков-добровольцев, причем желавших отправиться в кругосветное плавание было так много, что взять получилось далеко не всех. «Если бы принять всех охотников, явившихся ко мне с просьбой о зачислении их в сие путешествие, то я мог бы укомплектовать многие и большие корабли отобранными матросами российского флота», — вспоминал Крузенштерн.

Кроме экипажа на «Надежде» разместилось посольство под руководством Николая Резанова, чьей миссией было установление торговых отношений с Японией. Единственными иностранцами, приглашенными принять участие в путешествии, стали врачи

Современный парусник «Крузенштерн» совершил несколько кругосветных путешествий

и трое ученых — два естествоиспытателя и астроном. Но это не означало, что только им предстояло заниматься исследованиями. Крузенштерн с самого начала планировал вести и собственную научную работу. Для этого сотрудники Петербургской академии наук провели с будущими путешественниками занятия по астрономии, минералогии, геологии, зоологии и ботанике, а сам Иван Федорович стал членом-корреспондентом Академии наук. Собственных научных трудов у него тогда не было, но, как показали итоги экспедиции, доверие ученых молодой капитан оправдал вполне.

Экспедиция Крузенштерна имела огромное значение для развивающейся российской науки, ее вклад в океанологию, географию и астрономию был бесценным

Через запад на восток

кспедиция отплыла из Кронштадта 26 июля (7 августа) 1803 года. Маршрут «Невы» и «Надежды», разработанный еще в Петербурге, лежал через Северное море и Атлантический океан на юго-запад, до мыса Горн. В Тихом океане у Гавайских островов планировалось разделиться: «Нева» Лисянского отправлялась на Аляску, а «Надежда» Крузенштерна — с посольством в Японию и дальше на Камчатку.

Первое испытание путешественникам пришлось пройти уже в Северном море: во время жестокого шторма корабли потеряли друг друга и встретились в английском Фалмуте, где «Надежда» пришлось заново конопатить корпус. Следующей остановкой стал остров Тенерифе, где экспедиция запаслась пресной водой, вином и свежей провизией. А спустя два месяца экспедиция под руководством капитана Крузенштерна пересекла экватор. Впервые российский флаг развевался над южным полушарием!

Во время плавания исследователям довелось наблюдать множество редких природных явлений, например свечение воды. Именно тогда были впервые описаны межпассатные течения в Атлантическом океане, проведены измерения температуры воды на разных глубинах, определен удельный вес воды. С помощью взятых с собой новейших приборов Крузенштерн и Лисянский проводили обстоятельные метеорологические исследования: определяли температуру, влажность и давление воздуха, силу ветра, характер облачности. Как в открытом океане, так и во время стоянок шли астрономические наблюдения.

На острове Санта-Катарина у побережья Бразилии экспедиция задержалась на несколько месяцев, на этот раз из-за ремонта «Невы». На шлюпе пришлось заменить две треснувшие мачты. Эта задержка привела к тому, что мыс Горн пришлось огибать не в январе, как планировалось, а в начале марта, когда в этих широтах

Команда Крузенштерна впервые в истории подняла российский флаг в Южном полушарии

Крузенштерн запретил любую агрессию по отношению к туземцам (неизв. худ., XIX в.)

Капитан Юрий Лисянский командовал парусником «Нева» (худ. В. Л. Боровиковский, 1810)

свирипствуют сильные шторма. К счастью, обоим кораблям удалось благополучно достичь вод Тихого океана. 3 марта 1804 года «Надежда» и «Нева» впервые в истории российского флота обогнули мыс Горн.

В Тихом океане из-за погоды суда вновь разделились и встретились лишь в мае на Маркизских островах. 24 апреля 1804 года, подходя к архипелагу, Крузенштерн издал приказ, в котором запретил любую агрессию по отношению к туземцам. «Я уверен, что мы оставим берег тихого народа сего, не оставив о себе дурного имени, — говорилось в приказе. — Предшественники наши, описывая нрав островитян сих, представляют нам его ми- ролюбивым, они расстались с ними со все- ми знаками дружбы, то и мы человеколю-

бивыми поступками нашими постараемся возбудить в них живейшую к нам призна- тельность и приготовить для последова- тельных соотечественников наших народ, дружбой к россиянам пылающий».

В следующий раз «Надежда» и «Нева» расстались в строгом соответствии с на- меченным планом: Лисянский направил судно к берегам Аляски, а Крузенштерн в июле 1804 года привел корабль в Петро- павловск-Камчатский. Выгрузив товары, предназначенные для фактории, и пополнив запасы продовольствия, «Надежда» направилась к берегам Японии.

Этот переход оказался одним из са- мых трудных. Точных карт акватории между Камчатским полуостровом и Стра- ной восходящего солнца не существовало.

Корабли следовали почти наугад вдоль восточных берегов архипелага. Плавание осложняли и погодные условия: постоянные шторма изрядно потрепали «Надежду». В носовой части корабля обнаружилась течь, и матросам приходилось постоянно откачивать воду. В конце сентября 1804 года путешественники попали в жесточайший тайфун, едва не поставивший на экспедиции крест. Но, несмотря на все препоны, в начале октября «Надежда» зашла в залив Нагасаки.

Встретили русских путешественников неприветливо: как раз в то время закон о недопущении на землю Японии чужестранцев исполнялся неукоснительно. И хотя обращались с моряками и представителями посольства хорошо, успеха миссия не достигла: император запретил доступ русским судам в Японию, отказался принять подарки и грамоту от Александра I. В своих записках капитан Крузенштерн называл полугодовое пребывание в Японии «совершенным невольничеством».

Вокруг Сахалина — и домой!

апреле 1805 года «Надежда» покинула бухту Нагасаки и вновь взяла курс на Камчатку. На этот раз Крузенштерн избрал новый маршрут — через Японское и Охотское моря. Эти места в то время были почти не изучены. Капитан твердой рукой провел «Надежду» через пролив, разделяющий северные острова Японского архипелага, после чего направил судно вдоль западного побережья Хоккайдо и дальше, через пролив Лаперуза к Сахалину.

Описывая и нанося на карты бухты за бухтой, Крузенштерн вел корабль все дальше к северу вдоль восточного побережья Сахалина, пока путь судну не преградили плавучие льды. «Надежда» вернулась в Петропавловск-Камчатский, но лишь для того, чтобы высадить посольство Резанова (ему предстояло добираться до Петербурга по суше) и вновь выйти в море.

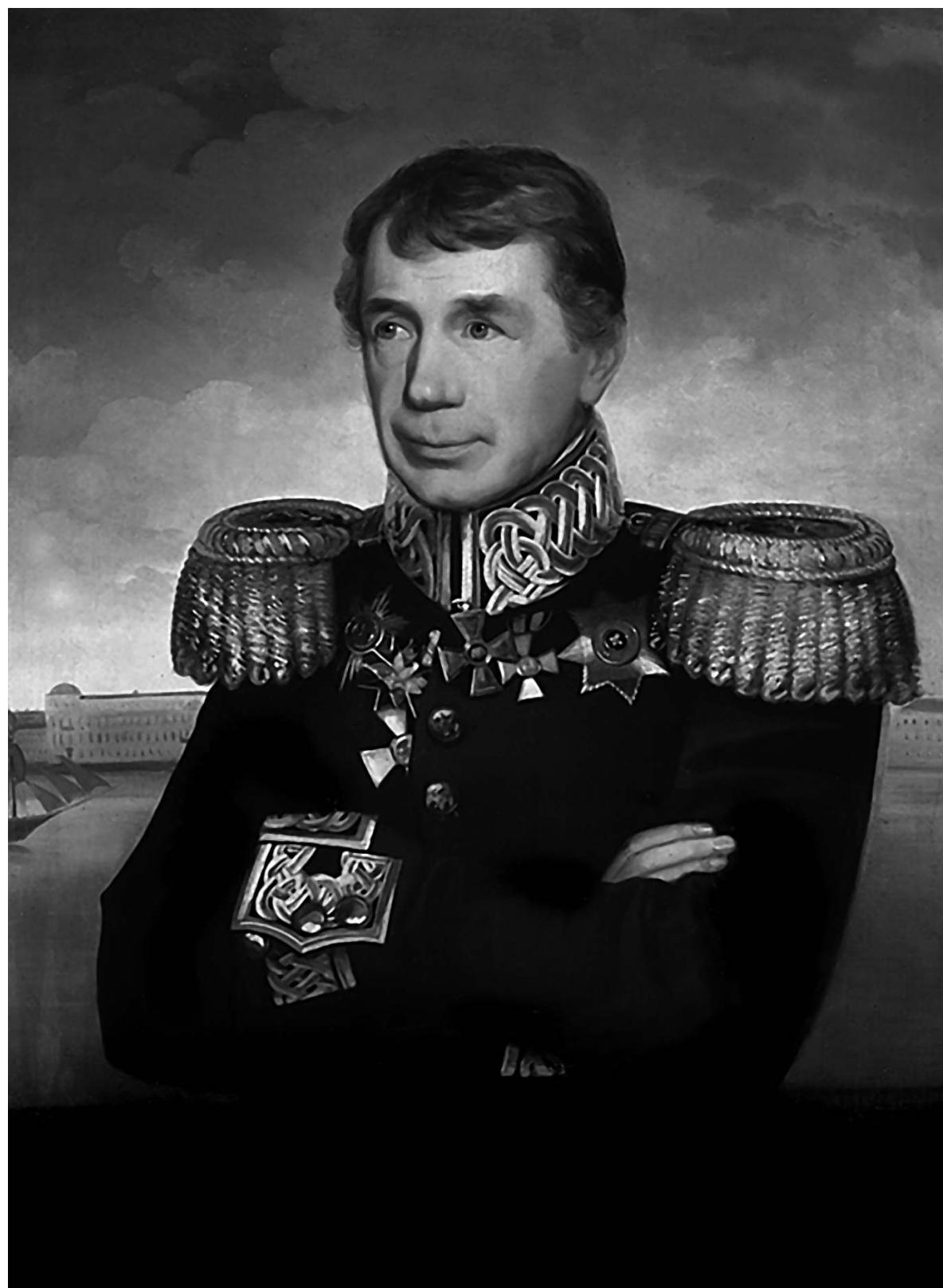
К этому времени льды растаяли, и упрямому капитану удалось-таки достичь северной оконечности Сахалина.

За время своего путешествия Иван Крузенштерн нанес на карту более полутора тысяч верст побережья Сахалина, но добраться до его южной оконечности не успел — нужно было возвращаться, чтобы успеть на встречу с «Невой» в Макао. Таким образом, ему

Иван Крузенштерн был величайшим исследователем: благодаря ему полностью изменился вид большинства существовавших в то время морских карт

не удалось разрешить главный вопрос, занимавший географов того времени, — является Сахалин островом или полуостровом. Ответ на него был получен лишь сорок четыре года спустя, уже после смерти Крузенштерна.

5 октября 1805 года «Надежда» двинулась в обратный путь — на юг, к берегам Китая. Казалось, на этом исследовательскую работу можно было и закончить. Однако Иван Федорович давно подозревал, что многих островов, указанных на морских картах, либо не существует, либо же они находятся вовсе не там, где обозначены. По пути в Макао он блестяще доказал свою теорию, полностью изменив вид морских карт в этой части Тихого океана.

Возвращение Крузенштерна из путешествия было триумфальным (неизв. худ., XIX в.)